

Сиротство демократки

Никто ей не помог сына воспитывать. Бабушка бедностью заморилась и необидчиво умерла. А мать её из бедности бабушкиной не выкарабкалась и ещё безобидчивее умолкла. Да и что можно поделать? Разве она рассчитывала свою судьбу на одиночество, на былинку в поле? Ветер подует — былинка постанывает и дребезжит. С мужем-то полегче ей было, но сейчас ей видится так, а, помнит, запьет, зассорится, заурсит — мечтает она поскорее бобылихой, разведенкой, остаться, да сынишку, не укорачивая и не одёргивая радость его детскую, растить.

Русские мужики давно дураковатые, а русские бабы только принялись догадываться о их глупости. Принарядится она, белую кофточку запояшет ремнём широким, а чёрную до колен поднимет юбку, а ноги-то у нее точёные и длинную удались, муж рыло пьяное ослобонит от угрюмости и международного раздумия:

— Ты куда?

— А тебе чего?

— А ты красивая, я вот смотрю, смотрю, красивая!

— Просмотрел уже, спохватился поздно!..

И побежит она к подружке за Лавру. А у подружки у самой муж пятую неделю не бреется и воды пугается — мылся бы, да боится, ирод нечёсанный. Так и живёт русская молодая семья. Ну, я не утверждаю, дескать, все молодые семьи так живут, не

утверждаю, а мало ли подобных семей? Мало ли русских одиноких женщин мыкается с ребеночком, дочурку или сыночка подымают? Кому, думаете, нужны?

Воевать — срочно подавай парней, здоровых и штурмующих, пособить одинокой матери - никогда. Если задаться вопросом рождаемости русских, нельзя не удивиться: как мы до сих пор не перевелись вообще? Нас не замечают — пока мы не потребуемся очередному генералиссимусу.

Вот и она — у золотой Лавры. Молодая, сильная, легкая на походку и на улыбку, ретивая на работе, веселая в дому, а не ссудил ей и капельку счастья. Одна и одна, да спасибо Господу, сынишка у неё.

Кто она? Рядовая, контролер, вы скажите. А какая же она рядовая, если без ее заключения ни одна машина с места не тронется? Она — настоящий профессионал: отличница по выявлению неточностей укомплектовки деталей и узлов сурового оборудования. Она получает зарплату. Кормит себя и сынишку. Институт, студенткой, обучил ее экономить на копейке, а на рубле-то она не загинет...

А тут — обновление: Горбачев с экранов и с трибун прямо взхлеб трубит о реконструкции страны и системы. Как его не поддержать? Она, демократка, общественничала, родила — приотстала, но готова, передохнув, ускорять процесс догоняния Запада и даже процесс обгоняния затеять. Горбачев знает, понимает, руководит и обещает.

Правда, муж у нее выпивает. Возвращается в испорченном настроении и пытается придраться и наскандалить, приревновать ее, дать пощечину, подпрыгнуть у окошка и попугать ее: «Выскочу, а тебя засудят — спровоцировала!» Хвастается: Таня в него влюблена, пиротехник и кандидат наук. Наука ее — взрывные порошки создавать, расфасовывать и по оборонным областям рассылать.

Таня способна из бутылки кефира взрывное устройство соорудить: кинешь, об стенку заденет: «Ба-ах!..» А вот она — контролер. Ей и платят в сравнении с Таней, чепуху. Но все деньги не заарканить. Ей и пайки дополнительные не разрешают. Муж побреется, выпится, в спортивную форму, трезвый, влезет, дает понять: Таня влюблена в него,

Таня — женщина со вкусом и талантами. Порошок рассыпается, взрывается — горожане чихают.

Таня изобретает взрывные порошки, испытывает их, приглася военного эксперта и сотрудников. Иногда приглашает и ее. Но ей тяжело смотреть на шашни мужа и Тани, на взрывные порошки, на генерала: глушит водку, жрет, а после пыхтит из-за стола, желая станцевать танго. Толстый и неуклюжий генерал. Выпученный, лысый и потный. Над порошками рыло воротит.

Радость ее — сынишка. Ласковый, начитанный и старательный наследник, хотя наследовать уже нечего. Держава распадается, дачи нет, на сберкнижке нуль, а в квартире чего наследовать? Портрет Горбачева? Она, уважая Президента, брала портрет на демонстрации.

Наши политологи и наш философы — подлейшие. Воспитывают в девочке женщину, мать: «Ты — равная с мужчиной на заводе, в академии, в семье, в государстве!..» И, равная, пашет, сталь варит, алкоголика питает, дитя, нажитое совместно, растит. Неужели Борис не корит себя: одна она тащит бремя свое и отцовства. Ну как можно обнимать чужую кандидатшу, не помня о собственном ребенке?

Женщину мы воспитали рабой, гойкой. Русского она не понимает, Россию не знает. Детей готова произвести от кого хошь. Да и судить ее мы имеем ли право? Русского мужа превратили в изменника, забулдыгу, безденежного люмпена, а ей на чье плечо склониться в минуту горя? Отец за сына не отвечает, сын — за отца. Дочь за мать не в ответе, а мать — за дочь. С братом брат идею делят... И — некому за Россию отвечать, защитить ее некому. Не генерал же, толстый мордovorot, защитит?

И каждые — себе: военные — себе, гражданские — себе тянут. Растянули народ русский и разъединили. Россию раскроили, предатели. Из великого народа — ералаш смастерили и Родину отобрали у него. Враги. Кто снова соберет нас? И соберет ли?

Она внушала мальчишке: «У тебя мама есть, ты у меня есть, а у нас есть семья — ты, я, квартира, Родина, вот и трудись, как подрастешь и в армии отслужишь. А теперь внушать и готовить к чему? К похоронам. Но за что погиб? И где погиб, на каком фронте

и за чьи интересы? Генерал взрывные порошки проверяет и пьет после, обжираясь немецкой тушенкой, а она — сына хоронить.

Посмотришь на сыторожих, нахальноуверенных — прихлынет гнев к сердцу: кто вас наградил этим ордынским правом — себя ощущать выше, умнее, достойнее, нужнее, а перенеся на землю — чванливее, бездарнее, преступнее и невыносимее многих и многих, возбужденных и вызванных к деятельности вами? Господа, еле успевшие вытереть шлепающие губы!..

Хорошо — портрет разодран. И — на демонстрации. Видели сотни людей, обманутых и обобранных циниками двадцатого века, норвегами ставропольских мафий...

* * *

В Сергиевом Посаде, за Лаврой сразу, ее дом. К людям она относилась открыто, весело, с Богом не спорила, а Горбачева уважала выше Христа... Молилась на перестройку, считая: Горбачев поможет русским стать русскими, женщин поднимет из нищеты и кабалы, властью обережет их — русские ребятишки начнут чаще родиться. Без ребятишек семья — не семья и дом — на фундаменте, да не на том.

Но взяли ее сына недавно в армию. Мучили — не говори. Издевались — молчи. Изнасиловали — не жалуйся. Ведь ныне — дети воюющих народов, разгневанных и попранных перестройкой, в армии. Быть ли в казармах миру и согласию? У воюющих народов зло в потомках накапливается.

Никто не заглянул на трагедию женщины, никто не объявился на ее скорбный огонек, а сын-то повесился. Один. Больше никого у нею нету: с мужем разошлись. Да много ли сегодня семей крепких?

Случилась в Сергиевом Посаде демонстрация, голодная и холодная: дров не купишь, угля не купишь, а газ отключили у матери солдата — платить ей за квартиру нечем. И сорвала с древка, кинула портрет Горбачева, портрет Президента, под каблуки, мать уничтоженного солдата, русского парня... Оттащили ее в сторону, древко с портретом вывернуть из ладоней не смогли — разорвали. А ее в милиции психиатру показывали — нормальная. Только — ненависть и гнев материнский не дает ей опомниться. Как тут не забрежжут строки?

Завидую мертвым, завидую мертвым,

Они отдалились от русского горя.

Сейчас бы лежать мне под облаком гордым

Сквозь ветер плывущем в родимом просторе.

О сколько протопало армий по веку,

Тачанок и танков, гремя, простучало,

А радости дать одному человеку

И то не смогли, и трава замолчала.

Мать — молчит. Трава молчит. Россия — молчит. Доколе это?

А о чем теперь и говорить матери-то? Стала она, ждать-поджидать сыночка. Вот привезут, вот позвонят — встречай, хоть в гробу, но свой же, кровный, известный всеми родинками. А не везут и не звонят. Толпы людские разметывать тренируются...

Второй, третий, четвертый, пятый день — не везут и не звонят. И решила мать: подшутили над ней командиры, — телеграмму дали о гибели парня, а парень живой и веселый, служит, Родину бережет и домой не торопится, пока срок не закончится, а закончится — кто его удержит? Солдат отдал положенные годы — сам себе начальник, а матери опора.

Но не звонят и письма от сыночка давно не было. Заказала с воинской частью сама телефон. Да, подтвердили гибель, а разнарядки на увоз покойника не оформили. Генерал в командировке в Москве, поди, у Горбачева, негодяй, а разнарядка лежит в кармане френчика. Забыл, шашлычник и обжора, — думает мать. К генералам она изменила отношение: страну начали разваливать лысые ленинцы, а генералы им помогали. Она, женщина простая, контролер на комбинате, а не пиротехник по производству взрывных порошков, окончательно разочаровалась в генералах — лысые подонки...

Сядет утречком мать перед зеркалом, в ночной рубашке, свечка и свечка, глаза огнем скорби горят, щеки впали и сухие губы тоскливо подрагивают. И всего-то ей — тридцать семь лет. Молодая и красивая, а муж бросил. Нашел себе не контролера, а кандидата наук: взрывные порошки разбавляет другими порошками и они еще сильнее взрываются и копят. Запах от них, как от свиной гуманитарной тушенки, на мясе замешаны.

Сперва она искала в мужней сумке, основывая благие подозрения на запахе, потом поняла: порошки — в шок вгонять голодных демонстрантов изобретены. А муж — пьяница, никогда ничего к столу не принесет, но — инженер по молекулам, и тоже — взрывным. Снюхались на тайных вооружениях с Таней, а ее, с парнишкой, бросили. У той совести не обнаружилось: подцепила чужого хозяина. Получает деньги огромные за

порошки и за городом раз в месяц пожары и дымы учиняет: пробует боеспособность гуманного изобретения — рассеивать демонстрации. Войны ленинцы проиграли, а рассредоточивать митинги и демонстрации нет им равных.

Иногда, конечно, она вспоминала мужа, юного и застенчивого. Очень русский и очень синеглазый, русский Иванушка, дурачок русский, мечтал, когда ещё был честным и романтичным: «Мы поженимся, дом выстроим, ставни разрисуем, карниз, убранный вязью, приторочим, а на коньке золотого петуха закрепим. Пусть люди глядят и завидуют, радуясь счастью и богатству воображения земляков!..»

Обнимал ее среди картофельной ботвы, синими цветами волнующейся на бабушкином огороде, и предупреждал: «Детей надо иметь не меньше трех, а четырёх — в самый раз: русские вырождаются, у каждой семьи по одному ребёночку, годится ли подобный порядок?..» Студентом будучи, лекции читал в школах на русские темы, да поплатился. Исключили из комсомола за шовинизм и русофильство. Озлобился и затворился.

Сыночек сиротою рос. Да один и разъединственный сыночек или дочурка растут кем? Не эгоистами, так сиротами. Не сиротами, так шовинистами. Кого им понимать? О ком заботиться? Русская нация поредела, как лес, просеками, просеками её раздвинули и топорами прошлись по ней, глубоко свёрлами пробуравили и следят: не залечит ли раны она, не погустеет ли и не зашумит ли могуче опять?

А с чего ей зашуметь? Ждали, ждали квартиру от завода, дождались, а муж-то и влюбись, а муж-то и уйди из семьи, от неё и от сынишки. А родила бы ему три — четыре, не влюбился бы, не ушёл бы, совесть, чай, замучила бы Иванушку-дурачка? Вот и подвернулся Горбачёв: «Усе, усе получить квартиры, усе, усе зажить в отдельных благоустроенных домах!..»

И зажили. Воюем за каждый огород, за каждый участок, за каждый мост на Кавказе. Да только ли на Кавказе? А у генералов — дел привалило по горло: катаются на бронетранспортёрах и на танках, самолёты ревут, пушки дулами качают, роскошь, а не судьба. Повезло. Афганистан прохлопали — в родной стране победу им посулили.

Образумь, Иисус Христос,

Вояк прикухонных!..

Пусть она обычный контролер, мелкая спица в колеснице, но баба она русская: сына вырастила русским. Пушкина учил. Суворовым увлекался. Русские старинные песни слушал — розовел, мужеством и отвагою наливалась душа его пламенная. Крылатым парнем рос. А в детстве спрашивал:

— Мам, мам, а почему главы храмов на шлемы богатырские похожи?

— А храмы, сынуля, и есть русские богатыри! Рубили, рубили их, взрывали, взрывали их, да не теперешним порошком, а толлом и динамитом, взрывали, взрывали, а они подврачевались и отряхнули мародеров. Богатыри!..

Сынишка топотал за ней. Торопился. Шагал широко. По-мужски старался ножонки вытягивать. Тоже богатырь. И у Лавры народ толпился. И мимо Лавры демонстрации текли. И хватало места, доставалось простора любому человеку. Живи — не ленись. Пусть не сбылась ранняя мечта её мужа иметь трёх-четырёх детей, пусть. Не её вина. Она родила бы и пятерых, достанься ей муж толковый.

Но и один — воин. Крепыш! Глаза — два кристалла. Грудь крепкая. Добрый. Жаль нет сестрёнки у него: поласкала бы его, ему бы пожаловалась. Жаль братишки у него нет. Братишка нужен: где — заступиться, где — поспорить с ним, дабы поумнел и осноровился. Как без сестренки и без братишки? Сейчас русский народ, будущий русский народ — сирота, одинокий народ растёт, а это плохо. Печаль может одолеть русских, одиночество.

Почему на митингах и на демонстрациях злобства много, даже, прямо сказать, лишнего? А потому — сироты собираются митинговать и на улицах демонстрациями хулиганить. Каждый — один. Каждая — одна. А представь, читатель мой сердечный: на митинг и на демонстрацию идут семьи, семьи? Да, идут не просто жена и муж, а с детьми, по три, по четыре ведут ребенка с собою, а? Представь.

Какой омоновец их ударит? Разве бешеный? Омоновцы и бешеные в отрядах содержатся, но коли митинг или демонстрация — семья, коли народ — семья, коли государство — семья, попробуй ударь: ударишь — башкою собственной заплатишь за удар. А ныне — беззаконие, ныне — воля обижать, громить, позорить. Совесть изранили у людей, смысл бытия извратили.

* * *

Проводила сыночка в армию — Сергиев Посад опустел. Гитара вечером зазвенит во дворе — грустно. Гармошка на празднике заиграет — уткнуться в подушку тянет. Задыхается молодая мать — по сыночку скучает, а денег откуда взять на поездку к нему? Утро медленно в её двери движется, а день еще медленнее течёт, вечером же — кричи и пропадай.

Умывается мать утром, а на гвоздике сыночкова курточка висит, локотки подпернуты и до дырочек протёрты. Сунется с полотенцем в коридор, а в коридоре ботинки его к стене приткнуты. Начистит, начистит кремом их она, наведёт блеск и вновь к стенке приткнёт. Блестят и ей приятнее, привычнее.

В полдень — обедать спешит с комбината. Спешит, экономя минуты, через бабушкин огород бежит. Бабушка давно похоронена. Мать молодой мамы давно похоронена, огород давно чужой: продали, а подсолнухи, как свои, летом ватагой золотой, оравой, солнцеликие и упругие, устремляются за нею по влажной меже, по муравной стежке. По этой стёжке бабушка её с завода ходила, мать её ходила и она ходит. Русская стёжка, куда бы ни петляла, куда бы ни мчалась, куда бы ни летала, но обязательно вспорхнет на крылечко, а с крылечка упрётся в могилу...

Бабушка лежит за Лаврой. Мать лежит за Лаврой. Дед — в братской лежит у Сталинграда. Отец — в братской лежит под Берлином. Горбачёв тормозит мёртвых воинов. Тормозит и забыться им, успокоиться им, стервец, мешает. А мёртвых

будоражить запрещено — возмутятся и накажут настыру. Народ за настыру наказать мёртвые в силе.

Бежит молодая мать через огород, через золотые подсолнухи на обед, а подсолнухи — рыжие, рыжие, ребяташки: балуются с нею, бодаются, как ягнята, подскакивают и отскакивают, наклоняются и следом косолапят. Она бежит и они бегут. Они — золотые. И солнце — золотое. И лето, июль — золотой. Только ветерок, знакомый, знакомый, пахнёт и спрячется, пахнёт и спрячется.

Стёжка, стёжка, не тут ли, не возле тебя ли, на пяточке, клялся ей муж, мечтал трёх-четырёх детей воспитать? Где муж? Где её дети? Сынок её где, единственный и несравненный? Сообщал: «Мамочка, барханы плывут и воют, огненные тучи песка проносятся над нами и далеко, далеко черный карагач, верченый и крученый бурями, пытается ухватиться корявыми ветвями за твердь, а тверди нету в пустыне, и черный карагач плывет и тает в багряном зареве ада!..»

Ой, затосковала. И к её тоске замечательный человек прислонился. Русский. Командирован из Магнитки. В Магнитке тоже взрывные порошки готовят. Прислонился и её угостил. В кафе оказались вместе. Запьянела. Распахнулась. Ключом смело квартиру ему открыла. Гости, не сомневайся, да не обижай её зря!

Прижималась к нему. Дрожала. Целовала, как своего, как родного, как отца их сыночка. Забеременела. А он в Магнитку вернулся. Думала сестренку или братишку сынку родить. Решила и прояснела. Дни быстрее потекли, гитары по вечерам и гармошки по праздникам веселее заиграли. Но предательство настигло мать молодую. Подсмотрели, уральской жене объяснили. Кто постарался?

И постучалась к ней уральская женщина. И — вторглась. И — осудила. И — доказала ей истину: «Не смей родить, ты ему никто, ты посторонняя и брошенная мужем собственным, ты моему на час была нужна, ты не смей родить, не смей имя порядочного семьянина позорить!..»

Суховатая райкомовская женщина посреди комнаты костляво взмахивала ножевыми ладонями, одетая в пёструю кофту и пёстрые брюки. Пёстрая и худая, громоздкая и

смятенная, она пародировала оскорблённую в клетке жирафу и поражённо удивлялась:

— Братика сыну захотела! Чушь. Братик, но от кого? А ежели твой сын, солдат, узнает? А ежели командиры его узнают? Аборт и аборт, иного не положено!..

Растерзанная, поднялась, выпрямилась хозяйка, аккуратно подтолкнула гостью к двери, к двери: — Уйдите прочь!.. — И на ключ, беспощадно, на ключ заперла дверь. И рыдать, рыдать. И никого рядом. Мать-сирота. И сын её — сирота. Жизнь — сирота.

Жизнь у русской мамы отобрана: в ясли не опоздай, на завод не опоздай, в очередь за картошкой, за кефиром, за булкой хлеба, раба, не опоздай. И русская мама сном облагораживает свою жизнь. Загадывает себе сон и Бог награждает ее сном, воскрешая перед нею хорошее, дорогое и нужное для существования и чудесного роздыха.

Вот заснет она, а бабушка ей нашептывает, как молитвы, наизусть воркует: «А ты, расти, моя внуча золотая, расти, моя внуча пригожая, девушкой вырастешь, невесткою станешь, замуж выйдешь за храброго парня, женою верною сделаешься!..»

Вот заснет она, а мать её приближается к ней и зовёт нежно: «У, настрадались, намучилась и жених без тебя набедовался, посмотри, какой добрый и деликатный к тебе присох? Иди, иди ко мне, ласточка моя, да не кручинься, скорбь не верная, а неудача мгновенная, ты счастливою родилась и счастье не скроется от тебя!..»

И ей в самом деле во сне легко взлеталось, легко она управляла крыльями и взмывала над холмами. На седом холме бабушка дежурит, на зелёном холме мать её ждет. И она, ласточка, то к бабушке, то к матери снует и щебечет, а они ловят её, глядят и запускают в золотое небо и, смеясь, желают статья.

Во сне она даже прилетала к деду под Сталинград. Ласточка, родная, умная, шустрая, взяла и прилетела. Прилетела, а дедушки не видать. Обелиск над курганом и тишина. И такая тишина древняя, такая тишина грозная — уши больно, а сердце ласточки

напряглось и горько застучало: «Не надо о бабушке скучать, ему трудно!» Но отозвался дед, учуял внучку — простонала могила и бабушка приветствовал её: «Здравствуй, моя ласточка, внученька моя милая..»

К отцу же не сумела пробраться. Границы перекрыты и поезда не скользят по рельсам, а небеса проволокой запутаны, взлетишь — в сети попадешься. Спит она дома, а отец её, слышит она, ходит ночью около границы, усталый и запыханный, в пилотке и в обмотках, около границы ходит: «Ты видишь меня, дочка моя, сиротка моя, видишь папу, али ты не помнишь, меня, золотая ласточка?».. Летает она во сне, летает, а тепла живого родных ей людей никак не ощутит, хоть видит их и голоса их явны.

И её обязывали перерегистрировать разные секретные ящики, приборы, берешь их в руки, а там писк: «Тр-равы!», сердитые. Муж чуть смущается, — а кандидатша ни капли: прилипает к нему при законной жене, облизывает его и соринки снимает. А он, баран, курчавой башкой крутит — радуется. Генерал на последнем испытании возле пиротехнической гранаты присутствовал. Доволен: «Убой грандиозный, Танечка!»

Не даю точного адреса моей героини. Живет она за Лаврой, в Сергиевом Посаде. В воскресенье она стоит около часовни, святой водою поит прихожан. Поит и молится, поит и молится. А в Горбачева когда-то верила. Но смерть сына опровергла веру...

А после испытания порошков — собрались. Таня, кандидатша, гладит ее мужа, Борю, идиота. А генерал, она заметила, не за Таней, а за ней охотится. Моет она посуду на кухне специального для приемов дома, а он, генерал, тушенку немецкую слизывает с подбородка и хватить ее за груди, да как захочет: «Гирь-ки, а-а!..» Горбачев и Горбачев. Она никогда не забудет: страх набегал на нее во время хохота Горбачева на экране — дьявольский хохот, лишь сильно глупый.

И она — тряпкой, посудной тряпкой, кастрюльной — по роже генералу, по роже, да с нахлестом. Генерал дергается рылом, а тряпка у него на бельмах повисла и приклеилась. Толстомордый. Отскочил от нее, в зал прыгнул и опять, как Горбачев на съезде партии: «Гирь-а-а!..» И прыснул не к месту. Разве получишь от такого барбоса хорошую весть?

А, может, то и был Горбачев, переодетый? Пятно на лбу, черное, закрасил, замаскировал, а ртом тушеночным шлепал. Да, он и был, сам Горбачев, убедилась мать... Лысые, в костюмах и модных галстуках, а одень их в мундиры — генералы, все ленинцы — генералы.

Едва сынишка подрос — давай в армию его. Да не артачься, а давай здорового и счастливого. Она пересыпала, как песок в ладонях, в уме годы: детясли, детсадик, пионерлагерь, комсомоллагерь, за каждый день и месяц плати, взятку суй не нянечке, а директору, лечи от простуды и дежурь у подушки. Одна и одна. Да и он, сынишка, один. Советская власть, народная власть и кормилица, не замечала парня, а подрос — удивилась: «Почему до сих пор не в армии?»..

* * *

После позора с портретом на демонстрации и противной на нем ухмылки Михаила Сергеевича — она изменилась. Прислонилась душою и совестью к Лавре. От Лавры — к собору. От собора — к Богу. Никто ей не помог, никто ее не утешил. Родственников у неё не осталось. Умерли рано. Муж — у кандидатши. С чего, дурак, перебежал? Она — грамотная. Контролирует беспрерывно, диплом имеет. И от ее контроля ни коммунисты, ни демократы не чихают...

Виновата немецкая тушенка и танины взрывные порошки. Наедятся, наглотаются дыма — агрессивные, ищут кого забодать или, как рыломордый генерал, ущипнуть за груди... А не этот ли тушеночный генерал распоряжается ее сыном? Мстит. Нет, слишком уж плохо тогда. Генерал нажрался русской водки и немецких консервов, уехал Горбачеву доложить обстановку. А, может, Горбачев лапал ее, переодевшись в шалавого генерала?

Мать погибшего солдата — рядовая мать. Как ее сын — рядовой. Мать усвоила давно: мать спасет и на ноги поднимет дитя, а не советская власть, измучившая нуждою, работой и неправдой русских женщин. Ни одна власть не унизила женщин так, как наша: мужей нищетою полонила, а водкой разрушила. Жен абортами и разводами опустошила

и детей отняла у них: дети не видят мать за пересменами и скандалами.

Сейчас она напряглась в горе. Если не знает ее горя человек, отметит: помолодела, постройнела, а здесь — горе, держится мать из чувства боли и великой обязанности похоронить нормально сына, загубленного у нее казарменными бандитами. И она, включив телевизор, вздрагивает: кажется, на экран вылупится Горбачев и ужасно захочет, как генерал, обожравшийся русской водки и немецкой тушенки.

Путь — к Богу. Не куда-нибудь, а — к Богу. В эти тяжелые траурные дни она быстро приобрела черты покаянности, отрешенности и светлости. Верующая.

На восьмой день, не дождавшись, она отправила телеграмму Горбачеву, невзначай как бы уронив четвертную в закуток на почте, где скромная и тихая девушка не хотела бумагу фиксировать: дескать, грубая... А четвертная упала — и телеграмма, текст, поскромнел. А текст следующий: «Вы сумели стравить народы, Вы сумеете доставлять родителям гробы с убитыми сыновьями!» И соответствующие инициалы и адрес. И, знаете, на десятый день привезли. Привезли на десятый день молоденькие, как он, солдатики, русые и добрые. Потупились: «Мы на посту находились, а его зажали между коек, их много, а он один, зажали, надругались, он и повесился, а мы на посту находились!» И у них приключения — не за горами...

Гроб расположили на двух табуретках, в комнате. Квартира у матери — комната и кухня. Мать напоила чайком посланцев и проводила. И больше не пожелала ни сочувствий, ни помощи. Гроб и она. Она и гроб. Длинный, крутой, цинковый, запаянный. А в нем — сын. Лежит. Она молчит и он молчит, а рядом оба: друг возле друга. Ночь лунная, весенняя. За окнами черемуха расцвела и белым платком взмахивает, взмахивает и наклоняется низко, припадая к стеклу. Плачет. Маленьким помнит его. Сама была маленькой, вместе росли. А невесты у него не было. Не успел завести ее.

Мать включит лампочку — тени в углу. Выключит — луна около нее, живая и шевелящаяся. А на балконе — чучело, генерал и генерал. Лысое. Облизывается и тушенкой немецкой пахнет. Не Горбачев ли? И слез нет у женщины. Мать сердцем высушила их. Мать на луну похожа. Живая, но странно шевелящаяся — устала и соображает: как дальше?..

И опустилась на колени: «Господи, ты видишь беду мою. Ну пособи мне, грешной, услышать голос дитя, сына родного на миг увидеть, как я не взглянув на него, с ним расстанусь? Я молю тебя, Бог великий, заступник мой!..» Она прислушалась и вскрикнула.

Треск раздался в квартире. Треск вроде растолкнул стены, ударил по косякам и разразился на кухне. Треск не треск, а дерево застонало и крышка съехала с гроба...

И по плечи показался ее сын. Волосы, пряди вьющиеся, русые и золотятся, а седые, седые, и ресницы, гнутые, девичьи, мигают и синевою, синевою русской поплескивают: «Я шовинист, мама. Я должен умереть. Их много, а я один, и шовинист. Один я, мама... Кругом — песок шумит, пустыня с ветром ссорится, а я один среди желтого песка, среди них, мама, и шовинист... Нельзя мне жить. А ты успокойся. Ты роди меня снова. Ты молодая еще, не оставайся одна, погибнешь!..»

Она еще вскрикнула и перекрестилась. Но гроб закрылся. Голос исчез. Мать встала и бледными пальцами коснулась гроба, коснулась лба своего и вздохнула: «Я благодарю тебя, Господи!..».

Черемуха прекратила махать белым платочком. Луна в тучи спряталась. Генерал исчез. А за окном, далеко, далеко, раскинулась и заволновалась желтая пустыня, напозла знойными барханами и желтый ветер завыл: «У-у!..» И вдруг мать догадалась, почему ее сын с детства боялся желтого вихря, а в школе читал со сцены, встряхивая русыми кудрями:

Смертным пеплом дыхнут

Камнегубые, серые груды,

Накнет коршун-дичун,

Проползет по бурьяну туман.

И соборная Русь

Будет

в колокол

бить

крутогрудый,

И взойдет на престол

Яроглазый монарх Иоанн!..

Не кинь ее в беде, Господи, одна за нас за всех она страдает...

1992